

RU

Метароман vs метатекст: дискуссионный аспект изучения прозы В. Пелевина

Осьмухина О. Ю., Марьюшкина А. П.

Аннотация. Цель настоящей статьи - пересмотреть один из подходов к прозе В. Пелевина, согласно которому она рассматривается как метароман с инвариантной структурой. Научная новизна определяется тем, что впервые с учетом позиции Ю. М. Лотмана и его определения метатекста романы В. Пелевина подвергаются осмыслению в рамках специального исследования и анализируются в аспекте метатекстуальности. В результате, во-первых, были разграничены понятия «метароман» и «метатекст»; во-вторых, было установлено, что творчество В. Пелевина правомерно рассматривать как единый метатекст, ключевыми свойствами которого становятся авторефлексия, аллюзии и отсылки к собственным произведениям, инвариантный сюжетный нарратив, общие образы-символы.

EN

Metanovel vs Metatext: A Contentious Aspect of Studying V. Pelevin's Prose

Osmukhina O. Y., Maryushkina A. P.

Abstract. The purpose of the paper is to re-examine one of the approaches to V. Pelevin's prose, according to which it is considered as a metanovel with an invariant structure. The research is novel in that it is the first to examine V. Pelevin's novels as a part of a special study and analyse them in the aspect of metatextuality, taking into account Yu. M. Lotman's standpoint and his definition of metatext. As a result, firstly, the notions of "metanovel" and "metatext" have been distinguished; secondly, the researchers have found that it is valid to consider V. Pelevin's creative work as a single metatext, the key properties of which are self-reflection, allusions and references to his own works, an invariant plot narrative, common images-symbols.

Введение

Общеизвестно, что В. Пелевин на протяжении фактически трех десятилетий остается одним из самых востребованных и читаемых российских прозаиков. Его творческое наследие начиная с конца 1990-х гг. неоднократно становилось объектом внимания исследователей. Выявлялись связи пелевинской прозы с постмодернизмом, научной фантастикой, концептуализмом, изучались проблемно-тематическое, стилевое своеобразие и структурные особенности его романов 1990-2000-х гг. в свете самых разнообразных подходов: интертекстуального (Беневоленская, 2010; Бобылева, 2018; Генис, 1995; Дитковская, 2002), жанрового (Позднякова, 2000), интермедийального (Куряев, 2021), мифопоэтического (Осьмухина, Сипрова, 2017; Пасечник, 2015; Яровенко, 2009). Однако при наличии огромного количества научных и критических работ, посвященных анализу произведений прозаика, некоторые подходы к его творчеству представляются весьма полемичными. В связи с этим актуальность настоящего исследования обусловлена не только необходимостью дальнейшего углубленного осмысления творчества прозаика, но и необходимостью уточнения некоторых дискуссионных аспектов в подходах к его изучению. В частности, это касается анализа текстов Пелевина в ряде работ как метаромана. Как *единый метароман с инвариантной структурой* понимают прозу В. Пелевина Н. И. Тульчинская и Т. В. Ананина (2006), которые отмечают: «Произведения Пелевина тесно связаны между собой, образуя единый "метароман": различные сюжеты и обстоятельства действия не мешают видеть наличие единой инварианты». В результате исследователи приходят к выводу о том, что структурной основой «метаромана» является не что иное, как «инвариантная антитеза закрытого и открытого пространства, многократно повторяющаяся и варьирующаяся», а также что «в "метаромане" Пелевина существует некий инвариантный элемент сюжета. Как правило, повествование начинается с некоторого откровения, когда герой, в отличие от своего окружения, прозревает смысл своего существования и свое место в мире. Главное, что помогает

ему это сделать, – появление отстраненного взгляда со стороны, возникновение нового вектора сознания. Герой не только видит окружающее в ином свете, но начинает видеть и себя самым воображаемым взглядом из пространства». Называя романы Пелевина «единым метароманом», литературоведы исходят, как нам представляется, исключительно из их инвариантности, подразумевая под «метароманом» некую сюжетную и идейно-содержательную общность, что расходится с традиционным пониманием метаромана.

Соответственно в настоящей статье предполагается решение следующих ключевых задач: во-первых, разграничить понятия «метароман» и «метатекст»; во-вторых, показать на материале романов прозаика релевантность именно категории «метатекстуальность» применительно к его творчеству.

Методами нашего исследования явились историко-функциональный, позволяющий обнаружить метатекстуальность всей пелевинской прозы – от 1990-х до 2010-х гг.; сравнительно-исторический, благодаря которому были выявлены важнейшие «составляющие» метатекстуальности произведений В. Пелевина; метод целостного анализа литературного произведения, давший возможность осмыслить метатекстуальность прозы В. Пелевина в неразрывной связи и единстве с ее образно-тематическим и персонажным уровнями.

Теоретической базой нашей статьи явились работы, посвященные тем или иным аспектам изучения творчества В. Пелевина (Беневоленская, 2010; Бобылева, 2018; Генис, 1995; Дитковская, 2002; Куряев, 2021; Осьмухина, Сипрова, 2017; Позднякова, 2000; Яровенко, 2009); особую значимость в решении стоящих перед нами задач имели исследования Ю. М. Лотмана (1997), М. Н. Липовецкого (1997), Н. А. Кузьминой (1999), Н. А. Фатеевой (2007), В. Б. Зусевой-Озкан (2014), П. Х. Торопа (1981), Д. Шепарда (Shepherd, 1992), в которых непосредственно анализируются феномены метапрозы, метаромана, метатекстуальности.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных современной отечественной прозе в целом, творчеству В. Пелевина в частности.

Основная часть

В литературоведении метароманом принято называть роман о романе, роман в романе или произведение, которое осмысленно разоблачает свою искусственность, способы сотворения и воздействия на читателя. Он часто основан на игре с читателем на разных уровнях художественной действительности и восприятия. Метароману присущ особенный тип героя и отношений человека и социума: одинокий, отвергнутый скептик ощущает себя жертвой беспощадного порядка, иногда он не имеет даже имени. Тип отнюдь не новый, но его постмодернистская модификация связана с попытками осмысления бытия в семиотической парадигме: того, что существует в языке между планом содержания и планом выражения, например, соответствие человеческой жизни и попыток поиска этого смысла, другими словами, рефлексии подвергаются отношения случайные, искусственно сделанные самим персонажем. Герои метаромана разрабатывают собственную систему, которая могла бы придать жизни хоть какую-то упорядоченность, параллельно с этим осмысливая фиктивность, искусственность – свою собственную и мира, что их окружает. Следует заметить, что метароман не является «открытием» исключительно постмодернизма, однако именно в пространстве постмодернистской словесности приемы и средства метаромана становятся не просто элементами структуры, но превращаются в основные принципы написания текста.

Как отмечает В. Б. Зусева-Озкан (2014), метароман – это «двуплановая художественная структура, где предметом для читателя становится не только “роман героев”, но и мир литературного творчества» (с. 15), иными словами, он повествует не только об истории своих персонажей, но и о «романе в романе». Литературовед подчеркивает, что авторские реплики, характеристика и оценка персонажа, указания на какой-либо сюжетный ход или поворот говорят лишь о неполной автономности текста и никак не могут считаться маркерами определения жанра: «Роман становится метароманом лишь в том случае, если произведение обсуждается как целое, как особый мир», в ином случае речь будет о «романе с авторскими вторжениями» (с. 32).

Укажем, что важные замечания о метапрозе с опорой на понимание этого феномена Р. Имхофом сделал М. Н. Липовецкий (1997, с. 44-106), фактически отождествлявший ее с метароманом и выделивший пять основных признаков: 1) включение в текст процесса писательского творчества; 2) высокая степень авторской «внеаходимости»; 3) различие и сопоставление в процессе чтения автора-героя и автора-творца; 4) «обнажение приема»; 5) пространственно-временная свобода.

Действительно, В. Пелевин использует отдельные элементы метаромана в своем творчестве, однако, по нашему мнению, категорично утверждать, что все тексты писателя принадлежат метароману, акцентирующему «повествовательный модус в романной форме» (Зусева-Озкан, 2014, с. 7), не вполне правомерно. На наш взгляд, правомерно говорить о метатекстуальности его творчества, особенно учитывая, что единый текст с романами составляет его малая проза, а также реплику Ю. М. Лотмана (1997) о том, что метатекст – это «текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем», в котором «само рассказывание становится объектом рассказывания и приобретает полную автономность и осознанность» (с. 445). Подчеркнем, что, следуя лотмановскому подходу, в качестве метатекста целесообразно рассматривать «название произведения, членение текста на главы, эпиграфы и авторские примечания к произведению, не включенные в основной текст, а также разного рода рассуждения о произведении в самом произведении» (Байкова, 2010, с. 269). Анализируя все многообразие составляющих постмодернистской ситуации в современной русской литературе, необходимо разграничивать понятия «метатекст» и «метароман». «Метатекст (имплицитный метапоэтический текст) – это система метаэлементов, представленная в самом поэтическом тексте,

определяющая условия, условности, характер самого сообщения, а также комментарии к процессу написания данного текста, его жанру, к форме произведения. Такое понимание коррелирует с понятием метатекста в лингвистике» (Штайн, Петренко, 2006, с. 19). В качестве конструктивных элементов метатекстовых произведений (от прозы В. Аксенова, Т. Толстой до Евг. Попова, В. Сорокина, Д. Липскерова и др.), таким образом, можно считать авторефлексию скрывающегося под масками фиктивных нарраторов автора реального, «псевдоавторские» предисловия и вставные главы, инвариантность сюжета, автоаллюзии писателя к собственным текстам. Наиболее наглядно это как раз и прослеживается в романах В. Пелевина.

Так, маркером метатекстуальности прозы писателя можно, на наш взгляд, считать инвариантность сюжетного плана, характерную для всех его романов: главный герой – достаточно эрудированный молодой человек, который находится на грани нового этапа развития, поскольку в его жизнь внедряется нечто неординарное. Заметим, что это не столько «откровение», как указывают в уже процитированной нами статье Н. И. Тульчинская и Т. В. Ананина (2006) («откровение» присутствует при реализации эффекта буддийского *сатори (ригпы)*, к примеру, в момент потребления баблоса в дилогии о вампирах, полового акта в «Числах» и др., однако оно находит внезапно и длится всего несколько мгновений, ибо герой все еще привязан к материальному миру, а потому не несет в себе движущей силы для развития сюжета), сколько некий импульс. Подобной «эйекцией» становится наступление «лунного» года в «Числах», постепенное (стадиальное) превращение в вампира в «Empire V», в Смотрителя в одноименном романе и в киклопа с одновременным открытием «третьего глаза» в «Любви к трем цукербринам», убийство фон Эрнена и попытка выдать себя за него на операции в «Музыкальной табакерке» (не случайно она считается точкой отсчета, куда возвращается Пустота в финале сюжетного развертывания) в романе «Чапаев и Пустота», попытка лишиться себя жизни через перетоксикацию в «Лампе Мафусаила» и др. Затем открывается философский контекст, в котором доминирует буддистское учение Дзочена или Дзен, что соотносится с появлением некоего учителя (учителей) и процессом обучения, результатом которого должно стать освобождение от иллюзий реального мира, окружающей действительности. Женщина-спутница, как правило, обладает более высоким интеллектуальным уровнем и иногда выступает в роли ложного учителя, поскольку она придерживается логики этого мира-симулякра, веря в его рациональность, которая только отдаляет от подлинной реальности (партнеры могут меняться: например, в «Священной книге оборотня» протагонистом становится женщина-интеллектуал А Хули, а ее партнером – менее эрудированный и поглощенный ложным учением Александр). В роли ложных учителей могут выступать также и второстепенные персонажи (Азадовский в «Generation II», Энлиль Маратович в «Empire V», Ариэль в «Т» и др.). Еще одним инвариантным типом героя выступает «астральный двойник» героя, который может быть как антагонистом (Александр, претендующий на звание сверхоборотня в «Священной книге...», Котовский в любовном треугольнике с Анной и Петром Пустотой в «Чапаеве...», Сракандаев как «лунный» брат Степы Михайлова в «Числах»), так и учителем (Дмитрий для Мити, Николо III для Алекса в «Смотрителе»).

Кроме того, общим для всех протагонистов романов Пелевина является наличие гештальта, о чем иронически сказано в «Числах»: «Это внутренняя ось зла каждого человека. То, что делает нас такими, какие мы есть, независимо от воли и желания. Типа незаметно гипнотизирует в фоновом режиме. <...> Например, ребенок растет бандитом, потому что окно его комнаты выходит на афишу кинотеатра, где постоянно всякие гангстеры с пистолетами. Или девочка становится стриптизершей, потому что в серванте стоит статуэтка голый балеринки, на которую она смотрит с рождения, и так далее» (Пелевин, 2016, с. 112). В качестве «гештальта» пелевинских героев правомерно воспринимать Вавилон и шумерскую мифологию у Вавилена Татарского в «Generation II»; веер, похожий на летучую мышь, у Ромы Шторкина в «Empire V»; фамилию и имя Петра Пустоты, определившие его самосознание во втором времени «Чапаева...»; Священную книгу оборотня у А Хули в одноименном романе.

Еще одним весьма характерным маркером метатекстуальности пелевинской прозы являются некоторые повторяющиеся образы-символы. Наибольшей частотностью отличаются следующие символы. Во-первых, символы *зеркал/отражений*, порождающие двойников героя: так, в «Жизни насекомых» Митя на протяжении всего повествования беседует со своим двойником Димой и находит собственное «Я», лишь по-настоящему взглянув на свое отражение, в «Empire V» и «Batman Apollo» зеркалом Раме аллегорически объясняется работа ума Б и др. Во-вторых, *пустоты* в значении небытия и совершенной Истины: Оптина Пустынь в «Т», Внутренняя Монголия в «Чапаеве и Пустоте», Великий Вампир в дилогии о вампирах, Радужный Поток в «Священной книге оборотня» и др. В-третьих, в большинстве романов репрезентованы символические образы *теней*, причем в основном связанные с притчей о тенях в пещере Платона: в «Чапаеве и Пустоте» это спор Володина и Марии о первичности материи или идеи, в «Т» мир теней – мир книги, в дилогии о вампирах – *лимбо*.

Примечательно, что символы *зеркал/отражений* присутствуют и в «Смотрителе»: так, в эпизоде испытания Алекса на роль Смотрителя перед ним предстают ментальные отпечатки предыдущих Смотрителей с их атрибутами, а после силуэт, неизвестный ему и тем внушивший ужас, при более пристальном рассмотрении оказывается собственным отражением Алекса.

«– Сколько у вас лиц? – спросил я.

– Одно, – ответил незнакомый голос, высокий и визгливый. – У нас всех в действительности одно и то же лицо. Но увидеть его можно только в очень особенном зеркале» (Пелевин, 2018, с. 156).

Кроме того, у первого Смотрителя, Павла I, был личный допдельгангер – Киж: «Павел обычно уподоблялся Кришне, нежно играющему на флейте для пастушек, а Киж – буйнопомешанному, устроившему дебош в публичном доме» (Пелевин, 2018, с. 123). Подобного «темного» двойника герой создал сам, для того чтобы

инсценировать собственное убийство. Однако двойник получился настолько живучим, что его убивали несколько раз, но он все равно возвращался и доставлял неприятности следующим Смотрителям.

Достаточно ярко мотив двойничества воплощается и в «Числах»: Сракандаев – как «лунный» брат Михайлова – является его полной противоположностью, но повторяет все его идеи, переманивает клиентов, нанося ущерб бизнесу, и, что наиболее важно, также поклоняется числу, причем числу, обратному тому, которому поклоняется Михайлов. Поэтому протагонист видит в нем своего злейшего врага, не замечая рядом с собой истинного «вредителя» с той же трансцендентной манерой к числам.

Помимо метатекстуальных символов можно выделить общие для всех романов В. Пелевина темы: философия буддизма, неприятие гламура и современного дискурса, продажность женской любви, убеждение в невозможности передачи истинной сути вещей словами, иллюзорность мира, восприятие происходящего и действительности вообще как сна, зыбкость границ между мирами. Метатекстуальные «сигналы» реализуются и на фразеологическом уровне. Так, к «излюбленным» авторским фраземам можно отнести следующие: «Мысль изреченная есть ложь» («Чапаев и Пустота», «Т»), «Во многой мудрости много печали, и умножающий познания умножает скорбь» («Empire V», «Generation П», «Любовь к трем цукербринам»), «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить» («Empire V», «Generation П», «Чапаев и Пустота»).

Помимо этого, можно с уверенностью утверждать, что вся проза Пелевина есть единый мир, в котором существует множество ответвлений инфернальных и элитарных подмиров. Например, в «Смотрителе» очевидна отсылка к *Василию Чапаеву* (Базилио (=Василий) ди Чапао) и *Анке* (Аничча («непостоянство» на языке пали – добавочный смысл, двухсторонняя отсылка в одном значении – для протагониста и в двух – для читателя)) – персонажам романа «Чапаев и Пустота». Сообщается, что Чапаев и барон фон Штернберг вернулись на Ветхую Землю. В свою очередь, в «Чапаеве и Пустоте» присутствует намек на будущий роман «Т»: например, имя автора предисловия (авторская маска) – Урган Джамбон Тулку VII, персонаж романа «Т», или эпизод в начале романа, где Петру Пустоте видится в тумане фигура Льва Толстого, скользящего по замерзшему Стиксу на коньках. В «Т» также наблюдаются аллюзии к «Чапаеву и Пустоте»: например, появление молодого Чапаева в последней сцене, в которой граф Т. советует лошади переключиться на Чапаева, потому что есть вероятность, что его удастся уговорить отрубить себе палец. По сюжету романа «Чапаев и Пустота» после возвращения из Внутренней Монголии у Чапаева «на месте мизинца под слоями марли угадывалась пустота» (Пелевин, 2017, с. 397). Очевидно, что все перечисленные нами примеры (лишь наиболее примечательные, в действительности они гораздо многочисленнее) не имеют прямого отношения к феномену метаромана, но являются маркерами метатекстуальности.

Заключение

В заключение нашего исследования сделаем основные выводы, касающиеся прозы В. Пелевина, рассмотренной не с позиций метароманной формы, но в аспекте метатекстуальности. По нашему мнению, все творчество прозаика (от «Чапаева и Пустоты» до «Смотрителя», «Лампы Мафусаила» и др.) правомерно рассматривать как метатекст, ключевыми маркерами которого становятся инвариантный сюжет, общая тематика, протагонист с незакрытым гешталтом, разветвленная система символических образов (зеркала, двойника, тени).

Разумеется, в настоящей статье мы не претендуем на всю полноту охвата пелевинской прозы в свете метатекстуальности, полагая необходимым лишь наметить проблему, которая в рамках усилившейся тенденции современной литературы к саморефлексии обозначилась достаточно отчетливо. В связи с этим перспективой дальнейшего исследования может стать комплексное изучение творчества не только В. Пелевина (от ранних рассказов до «Непобедимого солнца»), но и других пост- и пост-постмодернистов как единого метатекста с одним и тем же набором приемов, мотивов, тем, автоаллюзий и автореминисценций, обыгрываемых от текста к тексту, и т.д. Необходимо лишь учитывать при этом, насколько подобный «ход» сознателен и каким образом он вписывается в авторскую стратегию писателя не только в конкретном произведении, но и в контексте всего творчества в целом.

Источники | References

1. Байкова С. А. Метатекст // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3.
2. Беневоленская Н. П. Русский литературный постмодернизм: психоидеологические основы, генезис, эстетика: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2010.
3. Бобылева А. Л. Антиутопия как метажанр в прозе Виктора Пелевина: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2018.
4. Генис А. Границы и метаморфозы: Виктор Пелевин в контексте постсоветской литературы // Знамя. 1995. № 2.
5. Дитковская И. Ю. Интертекстуальность прозы В. Пелевина: дисс. ... к. филол. н. Днепропетровск, 2002.
6. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. М.: Intrada, 2014.
7. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург - Омск, 1999.
8. Куряев И. Р. Кинематографичность отечественной прозы рубежа XX-XXI веков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2021.
9. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997.
10. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1997.

11. Осьмухина О. Ю., Сипрова А. А. Мифопоэтический контекст романа В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77).
12. Пасечник В. В. Гностическая мифопоэтика. Роман В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» // Вопросы литературы. 2015. № 6.
13. Пелевин В. О. Смотритель. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018.
14. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. М.: Э, 2017.
15. Пелевин В. О. Числа. М.: Э, 2016.
16. Позднякова И. Ю. Жан де Лафонтен в контексте культурных ассоциаций романа Виктора Пелевина «Жизнь насекомых» // XVII век в диалоге эпох и культур: мат. науч. конф. Серия "Symposium". СПб., 2000. Вып. 8 / отв. ред. вып. А. А. Скакун.
17. Тороп П. Х. Проблема интертекста // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 567.
18. Тульчинская Н. И., Ананина Т. В. Проблема творчества В. Пелевина: семиотика текста // Вестник Казанско-Американского свободного университета. 2006. № 2. URL: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/6/229>
19. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. Изд-е 3-е, стереотип. М.: КомКнига, 2007.
20. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика / под ред. проф. В. А. Шаповалова. Ставрополь, 2006.
21. Яровенко С. А. Виктор Пелевин: мифопоэтика как мифодизайн // Культура и этика нового мира: кол. монография / отв. ред. Ю. Н. Москвич. Красноярск: Литера-принт, 2009. Вып. 6.
22. Shepherd D. G. Beyond Metafiction: Self-Consciousness in Soviet Literature. Oxford: Clarendon Press, 1992.

Информация об авторах | Author information

RU

Осьмухина Ольга Юрьевна¹, д. филол. н., проф.
Марьюшкина Анастасия Павловна²

^{1,2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

EN

Osmukhina Olga Yurievna¹, Dr
Maryushkina Anastasia Pavlovna²

^{1,2} N. P. Ogarev Mordovian State University, Saransk

¹ osmukhina@inbox.ru, ² sivis_amar@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.04.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): В. Пелевин; современная русская проза; метатекстуальность; метароман; инвариантный сюжет; V. Pelevin; modern Russian prose; metatextuality; metanovel; invariant plot.